

Кувакин В.А. Перспективы человека. Три модели

Известно, что человек – это творение эволюции живой материи планеты Земля. В его истории есть определенные узловые точки изменения (или начала), которые приводили к качественным трансформациям в человеческой истории. Этих изменений, некоторые из которых называют революциями, было не так уж и мало. Одно из ранних, если не первым в истории того рода людей, к которому мы все принадлежим, называется неолитической революцией. Она произошла во времена позднего каменного века около 10 тыс. лет назад сразу в нескольких точках проживания *Homo sapiens*, прежде всего на Ближнем Востоке. Человек нашел в себе достаточно опыта и разума, чтобы перейти от присваивающего способа жизни (охота, собирание плодов диких растений и др.) к производящей экономике, что было связано главным образом с одомашниванием животных и выращиванием различного рода культур растительного происхождения. Это привело к радикальным изменениям во всем образе жизни: породило оседлость, рост народонаселения, технологии обработки земли, сёла и города, фактически новую культуру. Впоследствии люди проходили через разные узловые точки в своем развитии. Можно отметить здесь и появление письменности, что означало возникновение принципиально нового вида человеческой памяти (выражаясь современным языком, внешнего носителя), прошлое стало гораздо точнее фиксироваться и лучше «тянуться» за человечеством, а не теряться в песках времени при передаче истории из уст в уста. Историки отмечают и другие революции: военные, экономические, социальные, промышленные или технологические и т.д.

Но нас в данном случае интересуют те революции, которые происходили и будут происходить *внутри* человека, меняя как архитектуру, так и содержания его внутреннего мира. Это необходимо прежде всего для того, чтобы, исходя из знания перемен прошлого легче представить себе, что происходит с человеком настоящего и каковым он может быть в будущем.

Как это чаще всего и бывает, мы обращаемся к прошлому, чтобы понять настоящее и будущее. Вот и в данном случае, нам нужно представить себе перспективу человека, отталкиваясь от узловых моментов в интеллектуальной истории человека. Отправной точкой в данном случае будет первая интеллектуальная революция, совершившаяся около двух с половиной тысяч лет тому назад, в так называемое осевое время. О нем автор этого термина Карл Ясперс написал ярко и довольно точно:

«Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах (Китае, Индии и Греции – В.А.), сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы... Всё это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности... Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец... Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа... Все эти изменения в человеческом бытии можно назвать *одухотворением*: твердые изначальные устои жизни начинают колебаться, покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе. Он не уверен, что знает самого себя, и потому открыт для новых безграничных возможностей... Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе... Человек может теперь противопоставить себя всему миру» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994, с. 33–34).

Но сегодня человек, переживший переход от донаучной эпохи к научной около 400–450 лет тому назад (тогда возникла наука, которую мы называем классической) и вступивший сегодня в эпоху перманентных революций в фундаментальных науках и высоких технологиях, продолжает меняться внутренне, как с точки зрения содержания, так и с точки зрения архитектуры своего внутреннего мира.

Перед философской антропологией и психологией личности остро стоит задача очертить теоретическую, открытую модификациям и развитию модель человека, наиболее адекватно встречающего вызовы времени, эффективно решающего вопросы самодетерминации, принятия решений и достижения целей становления личности как реального субъекта самого себя. В

контексте поиска теоретических моделей или интеллектуальных образов человека возникает не одна, а три таких модели: *Homo sapiens sapiens*, *Homo creature creans* и *Homo humanus*. Они связаны между собой как исторически, так и логически.

Коротко говоря, ***Homo sapiens sapiens*** (*человек разумный разумный*) – подвид человека разумного, *Homo sapiens*. Данный подвид является не столько антропологическим, сколько культурно-антропологическим подвидом, поскольку не выделяется особыми физиологическими или антропометрическими данными. Его отличие связано с принципиально иной организацией внутреннего мира человека: сознания, самосознания и чувства индивидуальности, рефлексивного переживания своей уникальности, неповторимости, непоглощаемости и нередуцируемости своего Я.

Главное отличие *Homo sapiens sapiens* состоит в наличии и стационарном удержании в его сознании рефлексии, обращенной к сознанию, тем самым конституирующей личностное начало человека, а не инстинкт самосохранения, существующий независимо от сознания и не единство восприятия, также являющееся психофизиологическим свойством его познавательного аппарата.

Акт самосознания фиксирует не сознание, а его субъекта – личность. Но вторым не менее важным следствием акта рефлексии является фиксация содержаний сознания, грубо говоря, идей и «идейных» процессов, протекающих в сознании, так же как и форм и структуры того «пространства», в котором всё это происходит, т.е. самого сознания или разума, предстающего здесь как мышление и логика. Тем самым рациональная рефлексия, не фиксируя сознания как пространства предметных реальностей непосредственно, усматривает и контролирует их через содержания, формы и процессы мышления. Сознание (совпадающее здесь с тем, что мы называем разумом) оказывается при этом «расщепленным», «двухэтажным», способным совершить то, что невозможно физически: «Отойти и посмотреть, хорошо ли мне сидеть». Этот взгляд *интелигибелен* и представляет собой специфическое умопостижение, принципиально отличающееся от эмпирического, опытного познания или научно-рационального дискурса, почти всегда имеющего свой предмет как интериоризированный объект, имеющий свое «подлинное» бытие в природе и схватываемый потоком познающего сознания.

Самосознание как зрелая рефлексия как бы расщеплена в себе и разнонаправлена: в одном ее просвете – предметное содержание сознания, идеи, образы, как и сам процесс мышления или ощущений, в другом – наше Я, к которому оно обращено как подотчетный, контролируемый им феномен. Так возникают две системы: интеллектуального самоконтроля и самодетерминации, – важнейшие приметы рефлексивного человека.

Понимание, уразумение того, что у нас есть разум, было величайшим рывком человека к совершенству. И этот рывок от сознания к самосознанию, от разума к обращению разума на самого себя и уразумение им самого себя было одним из величайших достижений человека. Это понимание, как уже отмечалось, пришло к человеку довольно поздно, несколько тысяч лет тому назад, а десятки тысяч лет он, уже будучи *Homo sapiens*⁵¹, и не задумывался об этом, т.е. практически не имел никакого специального представления о своем разуме, его познавательных, инструментальных и технологических ресурсах. Поэтому человека рефлектирующего, зрелого, самосознающего разума можно называть *Homo sapiens sapiens*, человеком, уразумевшим свой разум.

Наиболее ярким образом открытие разума совершилось в культуре Древней Греции. С полным основанием это событие можно назвать первой интеллектуальной революцией. Ее место можно определить как среднюю точку между неолитической революцией и грядущей экологической, точнее планетарной, поскольку потребность в радикальной трансформации человечества предполагает не только решение глобальных проблем, но и моральных, правовых и политических, т.е. связанных всё с тем же внутренним миром человека как индивида и как родового существа. Прообразом личности той, будущей эпохи может быть человек человеческий – *Homo humanus*.

Однако логически этой перспективной модели предшествует второй образ человека – ***Homo creature creans***. Он получает свое описание в современной натуралистической (матери-

⁵¹ По современным данным, основанным как на археологических открытиях, так и на результатах генетических исследований, около 74 тыс. лет назад небольшая популяция (около 2 тыс. человек), пережившая последствия мощного вулканического извержения (предположительно вулкана Тоба в Индонезии), породившего похолодание, продолжавшееся около 20–30 лет, стала предком современных людей в Африке. По подсчетам ученых, примерно 60–40 тыс. лет до н.э. люди мигрировали в Азию, а оттуда в Европу (40 тыс. лет до н.э.) и далее в Австралию и Америку (35–15 тыс. лет до н.э.).

алистической) и гуманистической философии, в экзистенциальной и позитивной психологии. Это латинское название можно перевести как *человек творение творящее*. Будучи творением природы, такой человек осуществляет себя как проект, а не как обузу или объект. Он для самого себя – вдохновенная жизненная задача, решаемая всегда и везде вплоть до последнего мгновения жизни. В центре этого человека как творческого проекта стоит задача делать свою жизнь удивительным и захватывающим приключением, реализацией максимума возможностей, данных разумом и плотью, природой и культурой. Это предстоит ему делом простым и достойным: чередой достижений, перемежающихся трудностями и поражениями, испытаниями и провалами, в которых он как человек отвечает за всё. Это именно то пространство возможностей, в котором он посредством свободы, разума и творчества прерывает и начинает цепи причинно-следственных связей, мудро следует естественному порядку установленных в природе вещей и чувствует себя полноценным созидающим существом в родной стихии матери-природы и в культуре, сотворенной ему подобными.

Теперь о третьей, перспективной модели человека. **Homo humanus**, т.е. *человек человеческий*, – это в чем-то уже нормативная модель личности, ввиду её нагруженности *общечеловеческими* нравственными, социальными, интеллектуальными, экологическими и другими ценностями и нормами. Однако современный светский или общегражданский гуманизм, обращаясь к общим методам науки, делает упор не столько на нормативную сторону дела, сколько на идею *исследования*: этического, научного, правового, экологического и т.д. Это означает преобладание методологической и инструментальной проблематики, чуждой рецептурным, прескриптивным суждениям и непрерываемым указаниям.

Главное в гуманизме не *что*, а *как*: важно обеспечить себя максимумом ресурсов и возможностей для правильного именно для тебя выбора (без нанесения ущерба другим), именно в этой конкретной ситуации; важно не столько знать, что такое хорошо, а что такое плохо, сколько уметь принять правильное решение и сделать правильный выбор, потому что мы находимся не в мире абсолютной статики, а в переменчивом жизненном контексте богатом разноуровневыми и разнокачественными нормами и традициями, стилями и образами жизни.

Современный гуманизм если и дает какие-то рекомендации, то самого общего – просторного и методологического – характера, рассчитывая прежде всего на свободу и ответственность индивида. Кстати, именно эта существенная особенность светского гуманизма воспринимается людьми, знакомящимися с гуманизмом наших дней, как самое неуютное, непонятное и разочаровывающее. Ведь, сегодня в России, несмотря на весь наш пессимистический скепсис, всё время переходящий в тотальное неверие и цинизм, мы продолжаем ждать последних и окончательных истин, рецептов на все случаи жизни. Мы в большинстве своем ждем в бытии теплого и уютного уголка, где можно переждать все напасти мира. При этом мы во власти традиционных идей, мировоззрений, идеологий, государства, СМИ, многих национально-психологических стереотипов и клише – от «святой Руси» до нашего печально знаменитого «авось».

Ну а если ты, говорит современный светский (гражданский) гуманизм, хочешь жить свободной, открытой всем ветрам жизнью, в которой одновременно есть и заповедные зоны, в которые не залетит никакой чуждый тебе «ветер», то тогда нужно заняться делом, принцип которого гуманисты называют «начни с себя».

Но чтобы начать с себя, нужно опознать собственное Я, что предполагает усилие заставить себя, т.е. свое Я изрядно поработать в процессе самопознания.

И всё это значит, что вступая на путь самопознания, человек *становится* собой, ибо это единственный собственно человеческий *непосредственный* способ становления человека.

В **Homo humanus** нет ничего необычного, он не супермен и не экстрасенс. Прежде всего потому, что человек, *любой человек* гуманен. (Даже тот, кто, прочтя это, подумает: нет, это не так! – не сможет отрицать того, что абсолютно негуманный человек, буквально не гуманный, не способен выжить среди людей, т.е. в единственной для него как человека нише бытия.) Недаром же говорят, что в любом человеке можно найти что-то хорошее. Другое дело, что у некоторых людей негуманное, негативное и деструктивное может преобладать над его позитивными ресурсами. Тогда жизнь такого человека, скорее всего, безрадостна и неполноценна, она приносит ему самому и окружающим проблемы, заботы и несчастья. Это и есть жизнь не в радость, а в тягость. Но и в этом случае было бы неправильно считать таких людей начисто лишенными гуманности и лишать их *всякого* уважения и прав.

В литературе по современному гуманизму отмечается, что гуманизм – это нечто вторичное, вырастающее из естественно присущей человеку гуманности, человеколюбия, дружелюбия, эмпатии и т.п. Еще чаще эта фактическая истина выражается на уровне первых нерасчлененных реакций-оценок людей, сталкивающихся с гуманистической литературой или, тем более, с «организованным» гуманистом. Это реакция от легкого недоумения до инстинктивного отталкивания. Ее, по крайней мере, частично, можно объяснить неким происходящим в человеке подсознательным сравнением себя с гуманизмом или гуманистом. Первой заботой человека является защита. Здесь это защита именно своей гуманности, своего достоинства, своей человечности, которая сталкивается с другой человечностью и не хочет перед ней ударить лицом в грязь, не хочет быть хуже и не хочет быть ущемленной. Это, по меньшей мере косвенно, указывает на нашу заботу о своей собственной человечности, на то, что основания гуманизма *естественны*, они не измышлены, не являются плодом фантазии или упорной работы какого-нибудь мыслителя.

Нет, гуманизм не претендует на спасение, у него нет никакой особой претенциозной миссии. Он похож скорее на рабочую лошадь, помогающую человеку достойно выжить в его стремлении сохранять, укреплять и развивать свою человечность, т.е. что-то такое, что у него всегда и везде уже имеется.

Быть гуманистом и просто, и сложно. Просто потому, что мы *уже* гуманны. И *признавая* это, мы делаем первый, решающий шаг на пути к гуманизму. Другим таким шагом становится едва ли не неизбежное признание нашей гуманности чем-то *позитивным*, т.е. ценностью. Вот, в сущности, та платформа, на которой стоит гуманизм, но которая требует доведения ее до уровня стройной научной и учебно-педагогической парадигмы, конкретных учебных и воспитательных программ, методик и т.д.

Вместе с тем добраться до своей гуманности и взглянуть на нее нашим *разумом* бывает очень непросто. Мы обыкновенно и каждодневно делаем уйму добрых, правильных и справедливых дел, но практически не задумываемся о том, *почему* мы так делаем (фактически делаем «на автомате»). Мы не оцениваем ни их, ни тех наших механизмов или способностей, которые позволяют нам быть нормальными порядочными людьми.

Большинство людей устраивает этот стихийный гуманизм, эта спонтанная гуманность. При этом очень серьезный недостаток стихийных гуманистов, т.е. людей, не задумывающихся или даже не желающих задумываться о своей человечности, состоит в непонимании или пренебрежении тем фактом, что *содержание их гуманности* и способы ее реализации – продукт культуры, результат их воспитания и образования, а не нечто врожденное и неизбежное. Врожденным и неизбежным является лишь наша *способность*, наша *потенция* быть человеческими (как, впрочем, и бесчеловечными). Поэтому если человек выпадает из области «непрерывного образования», не интересуется этой стороной своей жизни, то его стихийная гуманность будет гуманностью если не слепой, то, скорее всего, подслеповатой или близорукой⁵².

По рождению человек всего лишь *возможность быть человеком*, возможность невероятно перспективная и неисчерпаемая, богатая своей исходной платформой, линиями развития и реализации. Но все-таки по рождению мы лишь старт, возможность, надежда, проект, «великое ожидание». Нам, по существу, до последнего дня жизни всегда снова и снова предстоит быть человеком, быть самими собой, вновь и вновь подтверждать себя в качестве человека, совпадать и не совпадать с самим собой в актах творчества и не мешать воле к жизни и смыслу. По-настоящему наша гуманность – это единство ее как способности и как процесса ее возрастания и наполнения культурой. Но второе и третье требует усилий, в первую очередь разума.

* * *

---

⁵² Вопрос о самообразовании, в том числе интеллектуально-психологическом и моральном, далеко не прост. Он простирается от принципа обязательного образования в школах, до вопроса о соотношении юридических и моральных регуляторов образования. Кроме того, в литературе, в обществе и в государственных институциях обсуждаются вопросы (и реализуются проекты) образования взрослых или непрерывного образования, гражданского образования, светского воспитания. Усложняет ситуацию в наше время активное вмешательство церкви в образовательный процесс, который, как это сложилось исторически и закреплено юридически, является или должен являться научным, светским и гуманистическим. На Западе активно обсуждается вопрос дальнейшего «онаучивания» (scientification) образования. Не дремлют и различные общественные силы, следящие за недопущением религии в классы, особенно в его креационистских облачениях.

Попробуем разобраться, есть ли связи между этими моделями, и если есть, то какова динамика перехода от первого типа человека ко второму, а от него – к третьему. Действительно, логика движения от одной модели человека к другой может быть представлена как цепочка переходов от *Homo sapiens sapiens* (человека разумного разумного) к *Homo creature creans* (человеку как творению творящему или творческому творению) и от него к *Homo humanus* (человеку человеческому). Разумеется, это чисто теоретическая схема, поскольку в жизни всё происходит более сложным и запутанным образом. Тем не менее, в этой схеме мы можем увидеть самое существенное в том, как исторически возрастает и обогащается человек на своем пути к гуманистическому мировоззрению.

Homo sapiens sapiens дает нам образ человека, основным достижением и достоинством которого можно назвать высокий уровень рефлексивности, развитые умственные способности, зрелую психику. Разум, хотя он и врожденный дар, требует развития, подобно речевой способности. Рефлексивная личность делает сознание как рефлексию и самосознание, как своего рода монитор практически непрерывной «фоновой» действительностью внутреннего мира и практического поведения в объективной действительности (человек имеет невиданную ранее высокую степень самообладания, следит за собой и отдает себе отчет о себе и окружающем). Сознание становится «двух-», а при необходимости и «трехэтажным»: сознание – самосознание – самосамосознание и т.д. В более широком смысле такой человек открывает перспективу обладать всё более глубоким знанием себя, когнитивным самообладанием, необходимым для свободной, полноценной и творческой жизни. И не только знанием, но и умением претворять эти знания в поступки. *Homo sapiens sapiens* имеет как бы двойное зрение или умение делать как минимум два дела сразу: думать и думать как ты думаешь, «отойти и поглядеть, хорошо ли мне сидеть».

Это человек *активного* самосознания. Такая способность, направленная не только на предмет мысли или сознания, не только на процесс мышления, но и на субъекта этого мышления, открывает дорогу человека к самому себе, к самым глубоким пластам своего существования. Человека активного самосознания некоторые психологи называют интенциональным человеком, т.е. это человек максимально широкого сознания, работающего всегда совместно с актами рефлексии и самосознания. Такое сознание учитывает или стремится усмотреть предмет познания и его контекст, субъективность познающего и его «вклад» в познание, влияние общего антропного (человеческого) фактора, а также все компоненты и направления сознания и самосознания как нечто целостное, связанное с единством человека и мира.

Homo creature creans (человек как творение творящее) – следующая ступень в самоосуществлении проекта *Homo*. Если мы согласимся с тем, что творчество как самотрансцендирование (преодоление границ в границах, т.е. фактически их раздвижение) предстает как завершение цикла становления зрелой личности, то *человек как творческое творение* может рассматриваться как тип такого человека.

Что значит человек – творческое творение? То, что исходно он продукт, результат творчества, должно быть понятно само собой. Но каждый из нас рождается, творится, по меньшей мере, дважды. Наше первое рождение начинается не нами, а нашими родителями с акта чадозачатия. Акт этот несомненно творческий уже потому, что в результате его возникает, начинается что-то новое, небывалое, сингулярное, то, что не есть ни муж, ни жена, а их ребенок – маленькое уникальное существо, еще не понимающее этого, но уже таковое по факту своего зарождения.

Сам творческий характер мира предопределяет нашу творческую природу. Человек как творческое творение переживает несколько фундаментальных актов творчества. Как сказано, первый из них – зачатие и наш выход из утробы матери. Безусловно, это творчество. Можно спорить, кто творец этого творческого акта: природа и/или родители, Бог, если таковой существует, но очевидно, что рождение человека – особое и неповторимое событие в жизни человека и мира. Такие явления современное научное сознание называет сингулярными.

Но вот, что интересно. Уже на начальном этапе жизни человека возникает феномен неизвестности: никто из нас не помнит и не знает времени своего рождения (о нем нам может рассказать только мама или люди, принимающие у нее роды). Тем не менее, даже с биологической точки зрения оно неопределенно, неизвестно и потому *условно*. Мало верится в то, что биологи когда-нибудь назовут момент рождения человека как биологической особи – настолько сложен и неопределенен этот момент, а роды – это все-таки процесс. Так что день и час, зафиксированные в нашем свидетельстве о рождении, весьма условны или даже случайны. Каждый из нас мог быть рожден на день–два раньше или позже, роды могли быть ускорены или

задержаны и т.д. Возможно поэтому, глядя на новорожденного младенца, мы часто невольно произносим слова «чудо-ребенок», «этот ребенок просто чудо». Также устойчиво в литературе выражение «тайна индивидуальности». Разумеется, эта тайна и чудо естественные, они знаки величия и великолепия мира.

Но еще более случаен и неопределен второй акт нашего рождения – та первая, чаще всего не запомнившаяся нам встреча между человеком и его Я, посредником в которой было наше сознание, совершившее акт самосознания. Редко когда этот момент рождения Я запоминается человеком как что-то особенное, но он, этот момент бывает всегда – неважно был ли он ярким или незаметен для человека. И происходит он уже не с помощью родителей и акушерки, а внутри человека, становящегося в этом акте личностью. В этот момент ему уже никто не помощник, это событие *внутренней* жизни. Личность, настаивал в свое время Н. Бердяев, рождается не от отца и матери. С этим трудно не согласиться. Но важно отделить рождение, точнее явление Я самому себе от культурного и социального развития человека, которое связано не более чем с обогащением его внутреннего мира содержаниями (информацией, опытом, впечатлениями), идущими *извне*, а не *изнутри* личности. Они, разумеется, укладываются и трансформируются во внутреннем мире по законам человеческой психики и мышления, но даже то новое, что порождается умственной обработкой чувственных данных, связано не с Я как таковым, а с единством апперцепции и единством самого сознания, с нашими рациональными и иными интеллектуальными и эмоциональными дарованиями.

Знания и воспитание вместе с физиологическим взрослением индивида расширяют и укрепляют мышление, сознание. Эти два фактора: биологический, питающий мозг, и социокультурный, «питающий» внутренний мир, косвенно или непосредственно развивают сознание до точки, в которой оно «додумывается» до того, чтобы взглянуть на себя, совершить акт самосознания, решающей рефлексии, обернуться, наконец, на себя. В этой точке, в этом мгновении сознание, как уже говорилось, пробуждает наше Я, которое делает нас личностями. И именно с этого момента начинается следующий акт нашего творчества. Это уже не рождение человека и проявление его Я, а процесс творчества, переходящий из внутреннего мира человека во внешний – в Мир. Это есть процесс со-творчества человека с миром, в которой личность становится со-творением. Начинается *сотворчество* личности и естественных дарований человека, с одной стороны, и благоприобретенных им ресурсов культуры, а также общества и природы в целом – с другой. Процесс этот можно назвать синергетическим продолжением творения человека, который получает в нем звание творческого творения, Homo creature creans. Вот почему человек не только творение, но и самотворение, со-творение себя в союзе с содержаниями внутреннего мира и определенными ресурсами телесности, и он же – творец окружающей среды, культуры.

Заглядывая дальше, мы можем предположить, что не исключена его роль как со-регулятора экологической гармонии нашей планеты и далее – его деятельное и творческое участие в жизни солнечной системы и пространств за её пределами.

Жизнь – это возможность, которую мы делаем (даже своим бездействием) действительностью. Именно поэтому антропологическая, психологическая и философская мысль обращает сегодня всё большее внимание на ресурсы человеческого роста, на человеческий потенциал, на динамику и возможности человека, так же как и на мощь имеющихся у него материальных и энергетических ресурсов, требующих от него максимально возможной сознательности, ума, креативности и ответственности (см. Леонтьев Д.А. Человеческое в человеке как возможность, вызов и ответственность, 2012, № 2 (63)).

Параметрам этих требований наилучшим образом отвечает современное гуманистическое мировоззрение. Прежде всего потому, что оно предлагает реалистическую концепцию человека, оптимальную методологию мышления, научную и скептическую исследовательскую концепцию формирования этического (практического) суждения, иначе говоря концепцию принятия решения, отвечающую высокому – свободному и ответственному – статусу человека.

Гуманизм предлагает вспомнить и очертить круг общечеловеческих ценностей – моральных, интеллектуальных, социальных, экологических и иных, выработанных человечеством за последние несколько десятков тысяч лет.

Человечество, как и возвращенный им гуманизм, – на пороге века глобальной цивилизации. Сама история понуждает нас к выработке планетарного гуманистического сценария.